11 июля

Когда, восприимчив к любому движенью,
зрачком, напряжённым не в меру,
пасёшь поплавок с центробежной мишенью,
малейший толчок принимая на веру,

когда, на себя отвлекая вниманье,
подростки на том берегу дебоширят, —
какое проклюнется воспоминанье,
какие круги на поверхности ширит!..

Уже различаешь, где кнут, а где пряник,
где та, на кого израсходовал юность:
на смуглом плече поправляет купальник,
и пробует воду, и вот окунулась…

Мы задним числом и умом — дальнозорки.
(На том берегу мы ещё близоруки.)
Тинейджеры пьют — назревают разборки.
Под пляжным грибком — их мопеды и брюки.

Там кто-нибудь в реку швыряет бутылку —
считай, что с посланьем… последнее сальто…
Здесь луч мимоходом скользит по затылку:
ты вспомнил, как сам-то?..

У них — повышаются градус и тонус.
А скучный рыбак неуместен в пейзаже.
«Мужик, — комментируют, — ну ты и тормоз!»
«Соскочит! — вопят. — Ты ослеп?! Подсекай же!..»

Внимаю советам их, нервно и резко
форсируя трепет, — пошла краснопёрка…
В кустах близлежащих запуталась леска —
сидеть и распутывать сбоку припёка.

Уже не подростки, а только лягушки
так живо моё обсуждают соседство.
Осталось лучом провести по макушке,
чтоб вспыхнуло детство, —

чтоб дальнего шкета с макушкой ершистой
припомнить, играя со временем в прятки…
И сматывать удочки —
                всё завершится
в обратном порядке.

1998
с. Корфово-Нескучное

***

Куда ты ни приткнись — уже полно народу,
и нечего стоять, и сказано: валить...
Тем более — во сне: всё через пень колоду.
Всё вынужден трястись, бояться, дизелить.
То долгий разговор с какими-то козлами.
То снят противогаз, чтоб распознать иприт.
То меньшее из зол — вступительный экзамен:
судебное мурло, набычившись, сидит.

Подсунули билет, указывают место.
О, если б наперёд знать тайные ходы...
Я б выбыл насовсем из первого семестра
и выплыл бы сухим из этой ерунды.
Китайским языком — условие задачи…
Казалось бы, себя смелее поведи,
послал бы их тогда, —
                сложилась бы иначе
одышливая жизнь (с цезурою в груди).

Я выполнить не смог каких-то упражнений,
дрожащий у доски: в руке крошится мел.
А барышни сдают — одна другой страшнее:
ну хоть бы раз приснись, которую хотел.
Любимая, не снись — немедленно отнимут:
они уже давно вынашивают план...
Никчемный Сигизмунд, а то и вовсе Зигмунд:
порочные очки — наверное, декан.

Создатель, что за чёрт в комиссии приёмной
несёт галиматью, бубнит себе под нос?
Им нужен пассажир зашуганный и скромный.
«Извольте отвечать на заданный вопрос».
Столичные жлобы, потомственные снобы!
Стань с потрохами ваш, будь вечно на крючке, —
нет, не достоин я взыскательной учёбы,
шпаргалку утаил в дурацком пиджачке.

Но прекратить трястись — и с мыслями б собраться.
Я должен отвечать учёному суду,
что батя мой шахтёр — и нехер улыбаться,
что весь их факультет имею я в виду.
Тогда бы я успел к обратному парому —
и кто-то б подтолкнул меня в обратный путь.
Толкают и сейчас. Чтоб стало по-другому…
Любимая, ты что?.. Приснилось что-нибудь?

***

Памяти Б.Чичибабина

Почти античная гора под Щебетовкой
свела миндальные ряды когортой строгою.
Казалась кромка бытия такою тонкой,
как будто смерть отделена рассветной тогою;

как будто здесь готовит жизнь предел последний:
вольна выбрасывать на мель, швырять к обочине,
чтоб относительно неё
ни объяснений,
ни подтверждений не искал (уже просроченных).

Здесь должен выглядеть дельфин почти античным —
не тем, который для людей играет с мячиком, —
а тем, которого с трудом дано постичь нам,
который был обременён спасённым мальчиком.

Здесь предоставлены суда волнам конвойным.
Не утверждай, что жизнь скудна и незатейлива.
Мы предоставлены себе. Судьба проворна.
Морской лампадкою для нас маяк затеплила.

Почти античная гора, где время проще
и покидающие нас оставят снадобье, —
как будто думают о нас в миндальной роще:
ночная оторопь листвы... струенье слабое...

***

Замедлен отсчёт. Оклемаемся за год.
В забитом посёлке — достаточно выгод.
Спокойное русло и тихая заводь —
из дней непутёвых приемлемый выход.

Вот так и должно быть. Автобус уехал.
И следует оцепененье, в котором
тебя забывать — с переменным успехом,
в себя приходить — с пасторальным восторгом.

Вот так и должно быть. Поля в отдаленье:
за розовым — синее. Клевер. Люцерна.
И всё основательней рубишь поленья,
от гиблой любви отвыкая усердно.

И так погодя затеряешься между
чужими, утешишься рядом с чужими.
И впору зарыть документы, одежду —
и впору другое прикидывать имя.

Дальнейшие действия неторопливы,
чтоб длить равновесие — жгучее счастье в
укромном дворе, в обрамленье крапивы.
Уют устаканен. Крестьянин участлив:

«Сойдёшься с приезжей учителкой умной…
А можно — какую попроще деваху.
И живностью обзаведёшься и уймой
детишек. Отъешь себе круглую ряху».

Везде обещание свежей фактуры —
сопутствует местность, потворствует климат.
И глупыми глазками пялятся куры —
и лишнее прошлое на смех поднимут.

И станет не важно, чем был озабочен.
Чем был вообще. Ожиданье протяжно.
Опять тополями с дорожных обочин
ведётся своя перекрёстная тяжба.

Бухие крестьяне, как сонные мухи.
Степенное стадо прошествует мимо.
Столетняя утварь. Дыханье разрухи.
Избитые сумерки Третьего Рима.

Медлительный трактор виляет прицепом,
пылищу в глаза бестолково пуская.
Не так ли тебе досаждал я? При этом
вполне понимал, что затея пустая…

Чуть-чуть потерпеть — и уже ни прицепа,
ни пуха, ни перьев. Напомнят отныне
о жёлтой угрозе — разгул куреслепа,
о вечной обузе — засилье полыни.

Останься, хозяин, не вяжущий лыка!
Как больше не в тягость чужая опека!
Лениво, размеренно эта волынка
пусть тянется хоть до скончания века…

. . . . . .

Но время, в котором успел затеряться,
неспешное, как разговоры старушек, —
едва отсчитали за кадром «тринадцать» —
уже понеслось, соскочило с катушек:

как если б, в колодце воды набирая,
ведро упустил — и оно отмотало
всю цепь, весь отрезок — от здешнего рая
до Судного дна и дурного финала.

И всё на себе — провороты, повторы…
Я всё подтвердил, проворонил, проверил…
И смерть, и автобус — минута на сборы.
А дальше… мелькайте, люцерна и клевер.

***

Ирине Евсе

Сулит продолженье лазейка в заборе,
доступная даже ежу.
Сигналят цикады в незримом дозоре.
Я тоже — о том же дрожу.

Чем слух напрягаю и мучаю зренье?
Чему я значенье придам?
Цепного волненья проворные звенья
продвинулись к дачным садам.

Сверлят продолженье. Стрекочут в затылок.
Везде беспокойство сквозит.
Куда б ни выскальзывал лунный обмылок —
в пределах залива скользит.

А всё основное — осталось за кадром,
откуда проследовал ёж,
откуда дают порученье цикадам —
вгонять в беспричинную дрожь.

Их вроде бы нет. Но поют внутривенно.
В нездешние вхожи слои.
Следят. И в наружную тьму непременно
пошлют донесенья свои.

Казалось бы, кто? — насекомые твари,
тем тише, чем ниже трава,
однако всему побережью едва ли
подобные снились права.

Весь мир — в ожиданье несметного гула.
Вся жизнь — подготовка броска.
И звёздное небо к заливу стянуло
свои основные войска.

Ночная вода подтверждает тревогу.
Тревога пульсирует в ней.
И знают цикады, зачем здесь так много
посадочных звёзд и огней.

И то, что в груди возникает накатом, —
в конечном итоге спасём.
Сигналят. И кто-то, подобно цикадам, —
повсюду, всегда, обо всём…

Чьим золотом главный фарватер закапан,
чьей волей стрекочущий сад
имеет лазейку во тьму, а не клапан, —
и можно вернуться назад.

Понятно, какая последует местность,
цикаде, ежу и звезде, —
как только в другую скользнём неизвестность,
в ночной отразившись воде…

***

Светлане Кековой

1

Страх и трепет в трёхсложном размере
в злонамеренном мире ночном.
Произвольно купейные двери
начинают ходить ходуном.
И, борзея, таможенный аспид,
тормошит перекатную голь.
И рассеянно ищешь свой паспорт,
проходя пограничный контроль.

2

Упредительный сумрак напорист.
На созвездиях шапки горят.
Снится в поезде — собственно поезд.
Беспорядочен зрительный ряд.
Все курсируют шатко и валко.
Чертыханья на каждом шагу.
И на каждом шагу перепалка.
Я опять перед кем-то в долгу.

3

Много всяких и разных ходило…
До отказа наполнен состав.
Обстоятельно каждый мудило
разглагольствует, *как* я не прав.
Ни к чему церемонией чайной
раздражать забухавших ребят.
Потому что не прав изначально!
Потому что всегда виноват!

4

Всё обходится без мордобоя
к недовольству обеих сторон.
(Чем кончаются склоки с судьбою —
умолчит несговорчивый сон.)
Как привычна дорожная тряска.
Как протяжна тревожная страсть:
мимо Курска, Оскола, Славянска
— в направлении Свана пропасть…

5

Ускользает от сонного взгляда —
странным образом — самая суть…
Наконец-то приходит *кто надо*…
А тогда не пытайся уснуть.
Потому что рассветным ознобом,
обязательной резью в глазах,
ослепительным знаком особым —
оттесняются трепет и страх.

6

Различишь за окном, озирая
захолустный пейзаж поутру, —
розоватые прорези рая
в промелькнувшем сосновом бору.
«Ты не дрейфь, очарованный странник!
Не жалей, — говорит, — ни о чём».
Как сиятелен стал подстаканник,
позлащённый прицельным лучом!

7

Дальше — больше. Оставь рассужденья,
а вниманье своё обрати
на туман в полосе отчужденья
и жемчужный остаток пути.
Возникающее из-под спуда,
из железнодорожных длиннот, —
истончится случайное чудо,
испарится, сойдёт, ускользнёт…